

Под арочным сводом банкетного зала сияла двухметровая хрустальная люстра в форме лотоса. Медленно вращаясь, она заливала мягким торжественным светом танцпол, где оживленно беседовали и смеялись почетные гости.

На возвышении для оркестра расположился знаменитый венский коллектив, славящийся своими чарующими, трогаящими душу мелодиями.

Неторопливые, полные экзотического очарования звуки плыли над залом. Дамы в ярких вечерних платьях и их кавалеры кружились в танце; шорох подолов, блеск украшений и тонкие ароматы дорогих духов сливались в единую завораживающую картину.

—...Бал — это лишь традиция, самое интересное начнется позже, на благотворительном аукционе.

В самом центре танцпола Линь Юйцин вел Шан Хэна в медленном, ленивом танце. Они двигались так близко друг к другу, что их теплое дыхание касалось лиц, а негромкие голоса звучали интимно, почти как шепот.

Романтическая мелодия словно укутывала их. В этой атмосфере Линь Юйцин чувствовал себя как рыба в воде, безошибочно угадывая каждое движение партнера и двигаясь с ним в идеальном согласии.

— И почему это я всегда должен вести партию партнерши? — негромко спросил Линь Юйцин.

Шан Хэн, обхватив его за талию, плавно увлек в очередной поворот и с обезоруживающей прямоотой ответил:

— Потому что я умею танцевать только за кавалера.

Линь Юйцин лишь обреченно вздохнул:

— Ладно-ладно. Как скажешь.

Вокруг них кружились другие пары — элегантные мужчины, очаровательные женщины, влюбленные, тихо шептавшиеся о своем. Время от времени кто-нибудь из известных представителей шоу-бизнеса бросал на Линь Юйцина многозначительные взгляды, но, заметив партнера, тут же принимался с любопытством, а порой и с завистью разглядывать Шан Хэна.

Осмотревшись по сторонам, Шан Хэн негромко поинтересовался:

— Учитель Линь, почему бы вам не пойти к своим многочисленным поклонникам и поклонницам, вместо того чтобы заставлять меня, скромного актера массовки, собирать на

себя всю эту ненависть?

Линь Юйцин тихо рассмеялся:

— Разве плохо быть в центре внимания? Разве ты пришел в индустрию не ради этого?

— Вовсе нет. Я пришел зарабатывать деньги, — честно признался Шан Хэн.

— В таком случае, — Линь Юйцин слегка прищурился, — зная, что у тебя есть все шансы сыграть в том детективном триллере и, как и предназначено сюжетом, забрать награду «Лучший дебютант», зачем ты позвонил и рассказал об этом мне? Это же верный способ снискать и славу, и деньги. И ты так легко уступаешь эту возможность?

Шан Хэн слегка прикусил губу:

— Ну, я ведь пытался заманить тебя, чтобы ты помог мне обойти предсказание. Думал, продаю ценнейшую информацию, а оказалось, ты и сам всё прекрасно знаешь. Так что моя сделка прогорела. — Он смущенно улыбнулся: — Выходит, я просто воспользовался твоей добротой.

Линь Юйцин качнул головой:

— Для меня эта роль — лишь очередное украшение в копилку, а для новичка она стала бы спасительной соломинкой. Неужели тебе совсем не жаль упускать такой шанс?

— Ладно, скажу правду, — вздохнул Шан Хэн. — На самом деле я абсолютно не умею играть. Из меня актер как из пушки соловей, так что я бы просто всё запорол.

На губах Линь Юйцина заиграла улыбка — этот ответ он ожидал услышать.

— Что ж, за такую честность я поделюсь с тобой новостями. По классике: есть хорошая и плохая.

Шан Хэн приподнял бровь:

— Давай сначала плохую.

— Я уже связался с режиссером Лу, — заговорил Линь Юйцин. — Как и следовало ожидать, бюджет у него копеечный, гонорар он предложил чисто символический. Впрочем, для меня это не проблема, я готов сниматься и бесплатно. Главная беда в другом: он не может найти инвесторов. Проект висит на волоске, и начнется ли производство вообще — огромный вопрос.

Шан Хэн нахмурился:

— Как так? Сколько ты помнишь из оригинального сюжета?

— Я ведь читал книгу лишь мельком, — с сожалением вздохнул Линь Юйцин. — Но, судя по всему, эта заминка произошла по твоей вине.

— По моей?

— Да. В оригинале, когда я отказался от роли, режиссер Лу долго искал актера, получал один отказ за другим, пока случайно не наткнулся на тебя — тогда еще никому не известного новичка. А дальше за дело взялся твой покровитель...

Линь Юйцин внезапно умолк. Он скользнул взглядом по залу и наткнулся на Гу Линя. Тот стоял у самого края танцевальной зоны в окружении деловых партнеров, но его взгляд то и дело возвращался к паре в центре зала.

Линь Юйцин, не подавая виду, плавно увлек Шан Хэна в поворот, заслоняя его спиной от чужих глаз.

— Твой покровитель, молодой господин Гу, вложил деньги в фильм. Благодаря его щедрым инвестициям картина, которая должна была тихо умереть, так и не родившись, получила зеленый свет и пошла в производство.

Шан Хэн мгновенно всё понял:

— Хочешь сказать, из-за того, что я изменил ход событий, Гу Линь не стал вкладываться, у режиссера Лу нет денег, и съемки сорвались?

Линь Юйцин с сожалением кивнул.

— А ты сам не пробовал поговорить с Гу Линем? — спросил Шан Хэн.

— Бесполезно, — вздохнул Линь Юйцин. — Похоже, президент Гу питает ко мне личную неприязнь. Стоило ему услышать, что главную роль буду играть я, он тут же ответил категорическим отказом.

— Ладно. А в чем тогда хорошая новость?

Линь Юйцин едва заметным движением подбородка указал на дальний угол зала:

— Хорошая новость в том, что режиссер Лу сейчас здесь. Вон там, видишь? Пытается выбить хоть какие-то крохи у гостей. Это его дебютный фильм, и он готов расшибиться в лепешку, но не отступить. Чтобы наскрести денег, он продал собственную квартиру, влез в долги и собрал два миллиона. Но этого катастрофически мало. Я пытался свести его с инвесторами, однако проект слишком нишевый, никто не верит в его коммерческий успех. Из уважения ко мне люди наскребли еще миллиона три. Мои собственные свободные средства тоже не безграничны — максимум, что я могу докинуть, это пять миллионов. Итого на руках у него сейчас от силы десять. Для качественного, честного кино, на которое он замахнулся, это сущие гроши.

Шан Хэн задумался:

— Ты рассказываешь мне это в надежде, что я смогу найти деньги?

— Я сделал всё, что мог, — отозвался Линь Юйцин. — Получится у тебя или нет — теперь зависит только от твоего везения и упорства. Если проект так и не запустится, мне придется вернуться к съемкам в той слащавой мелодраме. Денег там платят немного, но хотя бы без убытков.

Шан Хэн заглянул ему прямо в глаза:

— Учитель Линь, если ты всё же сыграешь в этом фильме, уверен, что сможешь взять очередную золотую награду?

Линь Юйцин на мгновение замер. С тех пор как он попал в этот мир, он носил звание двукратного лауреата и киноимператора, доставшееся ему от прежнего владельца тела. Но в глубине души он понимал: эти лавры принадлежат не ему.

А ведь когда-то и он сам — в прошлой жизни — неделями не спал, вживаясь в образ, пробивался наверх без связей и покровителей, пытаясь дотянуться до заветной статуэтки. Но судьба тогда так и не улыбнулась ему.

С лица Линь Юйцина сошла привычная небрежная маска. Он посмотрел на Шан Хэна с предельной серьезностью и твердо кивнул:

— Безусловно.

Шан Хэн сделал глубокий вдох:

— Тогда води меня к режиссеру Лу.

В глазах Линь Юйцина мелькнуло удивление:

— У тебя действительно есть план?

— Выход есть всегда, нужно только его поискать.

В тихом углу банкетного зала, глубоко забившись в кожаное кресло, сидел невысокий полноватый мужчина средних лет. Тяжелые очки в толстой оправе заметно сползли на переносицу. Природа не наделила его яркой внешностью, а из-за скорбных бровей домиком его лицо постоянно хранило унылое, заботливое выражение.

Заметив приближающихся Линь Юйцина и Шан Хэна, режиссер Лу встрепнулся, и его унылые брови радостно взлетели вверх.

— Учитель Линь! А это?..

Линь Юйцин мягко улыбнулся:

— Познакомьтесь, это Шан Хэн. Именно он убедил меня согласиться на вашу роль.

Линь Юйцин заговорщически подмигнул Шан Хэну. Пока тот удивленно пытался сообразить, что происходит, режиссер Лу уже мертвой хваткой вцепился в его ладонь.

— Господин Шан! Какая честь, какая честь! Вы так молоды, а у вас уже столь безупречное, профессиональное чутье! В наши дни таких бескорыстных, благородных людей днем с огнем не сыщешь. Если вы согласитесь вложить деньги в мой проект, я, Лао Лу, в следующей жизни буду вам прислуживать, как верный пес!

Шан Хэн не знал, смеяться ему или плакать:

— Лао Лу, вы слишком преувеличиваете. Давайте лучше к делу. Какого бюджета вам не хватает для полного счастья?

— Сущие пустяки, сущие пустяки! — Режиссер Лу тряс его руку так истошно, словно утопающий, ухватившийся за спасительную ветку над обрывом. Ему было абсолютно всё равно, насколько влиятелен стоящий перед ним юноша. — Десять миллионов я уже нашел. Вам осталось добавить всего девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч! И я клянусь, вы вернете свои вложения в десятикратном размере!

У Шан Хэна невольно дернулся уголок рта.

Надо же, как извернулся Лао Лу, лишь бы не называть круглую цифру в десять миллионов. Действительно, отчаянный человек.

Глядя на сияющего надеждой режиссера, Шан Хэн почувствовал укол неловкости. У него не было никаких десяти миллионов. Всё его богатство ограничивалось несчастным миллионом спонсорских денег, из которых половину следовало вернуть Гу Линю, да еще примерно миллионом, который он должен был получить в качестве гонорара за роль посла общественной пользы.

На сегодняшний день Шан Хэн оставался бездомным бедолагой без гроша за душой, перебивающимся благодаря заботе Жун Чжи.

С таким стартовым капиталом соваться в кинопроизводство было даже как-то глупо.

Режиссер Лу внимательно следил за лицом потенциального инвестора. Заметив, как тот помрачнел, он испугался, что спугнет единственную надежду, и поспешно пошел на попятную, заговорив тише:

— Ну хорошо, хотя бы пять миллионов! Если найдем еще пять миллионов, я готов сам сидеть на сухом пайке, но фильм сниму!

Шан Хэн с любопытством оглядел взмокшего от волнения мужчину:

— Лао Лу, почему вы так отчаянно держитесь за этот сценарий? Говорят, вы даже квартиру продали. Где же вы теперь живете?

Режиссер неловко утер лоб рукавом, судорожно теребя полы своего пиджака:

— Снимаю койку в хостеле с капсулами... Тесновато, конечно, но жить можно. Этот сценарий — последнее произведение моей покойной супруги. Она была невероятно талантливой писательницей. Когда мы только поженились, я поклялся, что сниму фильм по ее книге. К сожалению...

Он попытался вымученно улыбнуться, но блеск в его глазах мгновенно угас, уступив место глубокой тоске. Впрочем, Лу тут же взял себя в руки, встряхнулся и бодро хохотнул, словно безусый юнец:

— Да ну, чего это я разнылся, глупости всё это. Пустая сентиментальность.

Шан Хэн мельком глянул на его поношенные туфли. Несмотря на то, что их усердно чистили перед приемом, потрескавшаяся кожа выдавала километры дорог, которые их хозяин исходил в поисках признания.

До того как они с Линь Юйцином подошли к нему, режиссер наверняка несколько часов кряду метался по залу с папкой сценария, заглядывая в глаза богачам, вымучивая улыбки и пытаясь продать свою мечту, пока язык не распух от жажды, а на губах не выскочили болезненные волдыри.

Шан Хэн молча смотрел на него, и на сердце у него становилось всё тяжелее.

В оригинальном романе описывались лишь триумфы главных героев, роскошь и легкие победы. Кого волновали драмы и слезы безвестных маленьких людей, оставшихся за бортом этой красивой жизни?

Видя, что собеседник упорно молчит, режиссер Лу сник окончательно, но все же попытался сохранить лицо:

— Ничего страшного, господин Шан. Будем считать, просто познакомились. Если в будущем...

— Я в деле. Я инвестирую, — твердо перебил его Шан Хэн.

И режиссер, и Линь Юйцин ошеломленно замерли. Лу вытаращил глаза, не веря собственным ушам, его щеки мелко задрожали от подступивших чувств:

— Господин Шан... Вы... вы это серьезно?!

Линь Юйцин недоуменно нахмурился, гадая, откуда у этого нищего парня вдруг взялись миллионы.

Шан Хэн ободряюще улыбнулся и кивнул:

— Да, я вкладываю пять миллионов. Правда, прямо сейчас могу перевести только два. Этого хватит, чтобы запустить подготовку к съемкам и зарегистрировать проект, а остальное я добуду в ближайшее время. Обещаю, фильм будет снят.

— Но... но почему? — запинаясь, выговорил режиссер Лу. — Зачем вам так рисковать? Это же некоммерческое, узкожанровое кино...

Шан Хэн, разумеется, не мог выдать тайну знания будущего сюжета. Он тепло посмотрел на Линь Юйцина и с улыбкой ответил:

— Потому что я безгранично верю в талант учителя Линя. Ну и в ваше упорство, Лао Лу.

У режиссера мгновенно повлажнели глаза. Он резко вскинул руку, закрывая лицо рукавом, и

разрыдался, не в силах сдержать нахлынувшие эмоции. Голос его прерывался от всхлипов:

— Спасибо вам... Спасибо, господин Шан... В меня... в меня еще никто никогда так не верил... Ни один человек не давал мне шанса...

Шан Хэн мягко улыбнулся, хотя в душе у него уже нарастала паника. Красивый жест он сделал, обещание дал, а вот как теперь выкручиваться и где искать недостающие миллионы — бог весть.

Заметив, как лихорадочно забегали глаза Шан Хэна, Линь Юйцин тихо, так чтобы не слышал плачущий режиссер, спросил:

— Только не говори мне, что ты собрался кланчить деньги у Гу Линя.

Шан Хэн хлопнул себя по ладони:

— А ведь отличная мысль, учитель Линь!

Линь Юйцин осекся и недовольно прищурился:

— Не смей.

— Это еще почему? — удивился Шан Хэн.

Линь Юйцин запустил пальцы в свои полудлинные волосы, зачесывая их назад, а затем медленно, с легким вызовом процедил сквозь зубы:

— Мне чертовски не нравится видеть тебя рядом с Гу Линем. Этого аргумента недостаточно?

Шан Хэн не успел открыть рот, чтобы ответить, как за их спинами раздался глубокий, холодный голос, заставивший обоих вздрогнуть.

— Господин Линь, — Гу Линь стоял позади них, небрежно засунув руку в карман брюк. Его брови были грозно сведены к переносице, а во взгляде сквозила неприкрытая неприязнь. — Какое совпадение. Мне это тоже чертовски не нравится.